

Теория о поколениях России: от «фронтовиков» — к «поколению без будущего» и дальше

О чрезмерной зависимости русской истории от поколенческого шага первым написал, насколько я представляю, Теодор Шанин, который достаточно подробно исследовал этот феномен, сформулировав некоторые базовые идеи. Трудно кого-то удивить мыслью о том, что смена поколений играет в истории значительную роль. Проблема, однако, в том, что в России, более чем где бы то ни было, крутые перемены происходили на поколенческом разломе.

О чрезмерной зависимости русской истории от поколенческого шага первым написал, насколько я представляю, Теодор Шанин, который достаточно подробно исследовал этот феномен, сформулировав некоторые базовые идеи. Трудно кого-то удивить мыслью о том, что смена поколений играет в истории значительную роль. Проблема, однако, в том, что в России, более чем где бы то ни было, крутые перемены происходили на поколенческом разломе.

Естественно, что поколение — явление социальное, а не биологическое: люди рождаются непрерывно, хоть и неравномерно, и при рождении никто ни к какому поколению не принадлежит. Поколения появляются позже под влиянием исторических обстоятельств, которые «сбивают» совершенно вроде бы разных людей, имевших счастье или несчастье родиться приблизительно в одно (в историческом масштабе) время, в поколения. Конечно, огромную роль играют сходные исторические условия, существующие на протяжении более или менее длительного времени. Но главная роль принадлежит некоторому выдающемуся историческому событию, которое окрашивает собой эпоху и мистическим образом превращает статистическую выборку в поколение.

Поэтому в реальной жизни в поколение объединяются вовсе не по дате рождения, а по времени, когда происходит наиболее активная социализация, то есть в возрасте от пятнадцати до тридцати лет. Поколение — это те, кто вступал в самостоятельную жизнь при сходных условиях и пережил совместно уникальный социальный опыт. При этом разные поколения неравноценны по своему вкладу в исторический процесс. Есть конструктивные поколения, формирующие цивилизацию. Есть деструктивные поколения, которые ее разрушают.

По мнению Теодора Шанина, поколенческий шаг составляет около пятнадцати лет. Конечно, это условность, и никакой мистической отсечки, нарезающей каждые полтора десятка лет по новому поколению, не существует. Но как ориентир для исследования истории советской и постсоветской культур эта гипотеза неплохо работает.

1910–1925: Фронтовики

Поколение, родившееся «до и после революции», скосила война. Война, собственно, и создала из этих людей поколение. Их мировоззрение определили Большой террор и Великая Победа.

Победа превратила поколение фронтовиков во второе издание декабристов. Офицеры и солдаты, вернувшиеся с фронта, перенесшие все тяготы ратного труда, и главное,

одолевшие невиданного до тех пор врага, преисполнились достоинства, которое было несовместимо с Большим террором, чей маховик стал раскручиваться повторно после Победы как ни в чем не бывало. Можно сказать, что фронтовики создали «советскую цивилизацию», поставив весной и холодным летом 1953 года точку в развертывании все пожирающей русской революции. Арест Берии, отказ от массового террора и развенчание культа личности были, выражаясь современным политическим языком, настоящей революцией достоинства. Фронтовики выпестовали оттепель, ее принес не Хрущев, она зарождалась в окопах Сталинграда и на подступах к Берлину. Оттепель — это завещание фронтовиков следующим поколениям.

1925–1940: Шестидесятники

Шестидесятники — первые и потому самые «аутентичные» наследники большевиков, «рафаэлиты» оттепели. Оттепель стала главным событием всей их жизни, предопределив судьбу многих.

Они успели по касательной прочувствовать огненное дыхание Большого террора (если не прямо, то через родителей), но их собственное вхождение в большую жизнь проходило во времена, которые Ахматова называла вегетарианскими. Сочетание гордости и стыда за отцов, шок от открывшейся правды жизни и при этом достаточно щадящий общественный режим, допускавший некоторое проявление свободы, сделали из шестидесятников поколение романтиков и мечтателей, поверивших в то, что в России все может быть иначе. Эта вера выстрелила через поколение, отчасти воплотившись в идеалах перестройки.

Сами шестидесятники не смогли воплотить свои идеалы в жизнь и остались в исторической памяти поколением, пропевшим гимн свободе и вслед за этим сошедшим со сцены.

1940–1955: Семидесятники

Семидесятники — это поколение застоя. Главным событием жизни этого первого послевоенного поколения стала брежневская реакция. Это поколение, которому пережившие войну фронтовики и их подруги постарались создать максимально комфортные по тем временам условия жизни. Большой террор был для них легендой, толком они его не помнили. Войну, впрочем, тоже. Отрочество прошло при относительной свободе, осознать значения которой в силу своего малолетства они не успели. А вот активный период жизни начался одновременно с политическим переворотом, устроенным советскими ортодоксами.

Это было поколение, на мировоззрении которого сказалась больше не столько сама Пражская весна, сколько ее подавление советскими танками. Оно учло урок и выбрало путь прагматизма и конформизма, предпочитая бороться за совершенствования личного и семейного быта, а не за совершенствование общественного строя. Семидесятые годы стали временем расцвета советского мещанства, что в целом подтверждало мировой тренд по созданию глобального потребительского общества. Семидесятники превратились в массу своей в безыдейный псевдокоммунистический консьюмеристский планктон.

В их жизни все должно было быть красиво, и особенно быт. Но тут была одна загвоздка — по части быта Запад одерживал над СССР одну историческую победу за другой. И стратегический паритет установить никак не удавалось: то в прорыв уходили стиральные машины и холодильники, то телевизоры с видеомагнитофонами. Завозившиеся в страну самыми замысловатыми путями каталоги Otto и журналы Burda пользовались гораздо большей популярностью, чем продукция самиздата.

Холодная война была еще в самом разгаре, а прагматичная обывательская масса давно уже признала в ней свое поражение.

СССР боялся ядерных боеголовок и крылатых ракет, а капитулировал перед ширпотребом. В конце концов, парадоксальным образом это самое исторически бесполезное советское поколение выносило в своей утробе перестройку как ответную реакцию на потребительский дефолт советской экономики.

Движение алчных потребителей, присвоившее себе романтические идеалы шестидесятников, но на самом деле просто стремившееся к жизни по западным стандартам, стало главной движущей силой перестройки. Это предопределило ее противоречивый, половинчатый характер — для основной массы «революционеров» из всех видов провозглашенных свобод наиважнейшей оказалась свобода импорта.

1955–1970: Поколение перестройки

Из какого бы социального сора ни возникла перестройка, она стала величайшей революцией, перевернувшей жизнь страны. Судьба следующего поколения была уже целиком и полностью предопределена ею. Предполагалось, что это поколение должно было вдохновиться романтическими внешними идеалами шестидесятников, выкрасивших перестройку в цвета свободы. Но оно (и это логично, по-своему) вдохновилось ее внутренней меркантильной сущностью. Это поколение выросло в гнилостной атмосфере разлагающейся советской империи. В жизнь оно вошло непуганым, потому что империя была слишком слабой, чтобы пугать и давить по-настоящему. Когда настала пора испугаться, как раз и случилась перестройка.

Свободу это поколение ценило только на словах, потому что досталась она ему без борьбы, как манна небесная. Люди не привыкли ценить то, что получают даром. Зато распад СССР остался для большинства плохо заживающей раной.

Поэтому перестройка в их глазах так навсегда и осталась праздником со слезами на глазах, вызывающим не столько восторг, сколько недоумение.

Вторых шестидесятников из внуков оттепели не вышло, на место идеалистического романтизма пришел унылый практицизм. Это во многом обусловило деструктивный характер перестройки и всех последующих событий.

1970–1985: Разочарованное поколение

На смену поколению перестройки пришло поколение отвязных циников. Если задуматься, то никакое другое поколение в атмосфере «лихих 90-х» сформироваться не могло. Это было первое уже совершенно безыдейное, но еще советское по сути поколение. Оно социализировалось в атмосфере бандитского беспредела и всепоглощающего стяжательства. Оно еще помнило о советских жизненных стандартах и видело, как на глазах буквально из ничего вырастают гигантские пузыри немислимых состояний. Главным событием их жизни была приватизация. Вместо возмущения им завладела зависть — они были у источника, но не смогли напиться, так как были слишком молоды. Главной целью их жизни стало наверстать упущенное. Их не интересовали средства, их интересовала сумма.

Они ментально созрели для нынешней России раньше, чем история явила на свет нынешнего президента. Они стали его главной социальной опорой, из них он набрал свое новое посткоммунистическое дворянство.

Он дал им все, они обеспечивали пятнадцать лет стабильность его режима. Единственное, чего они не учли, что им на смену придут те, кто будет еще циничнее.

1985–2000: Потерянное поколение

На первое по-настоящему постсоветское поколение неоправданно возлагались большие надежды, как на поколение «свободы». Считалось и отчасти продолжает считаться, что поколение, не отравленное советскими парами, станет строителем новой России. Все, мечтающие о какой-то другой России, заигрывают сегодня с этим поколением, полагая, что это и есть та самая революционная или контрреволюционная молодежь, которая должна определить будущее страны. Между тем молодая была не молода.

В жизнь вступает безвременно состарившееся поколение, у которого нет даже своего собственного будущего. Это поколение мегапотребителей, первым впечатлением жизни которых был ранний Путин. Оно смутно помнит беспредел 90-х, а СССР ему кажется вообще доброй старой сказкой. Авторитаризм, особенно в формате «суверенной демократии», является для него привычной и естественной средой обитания.

Девиз этого поколения — урви от жизни все. Это убежденные консьюмеристы. Главным событием их жизни стал нефтяной бум, обеспечивший этому поколению небывалый и ничем не оправданный уровень жизни. Они инфантильны и агрессивны.

Их амбиции сопоставимы только с их аппетитом. Из всех видов свобод наиважнейшей для себя они считают свободу потребления. Это поколение лишних людей, которому кажется, что оно востребовано. Оно является социальной базой всех провластных радикальных движений, но не потому, что любит власть, а потому, что любит красивую и комфортную жизнь. Оно не только поддерживает перерождение авторитаризма в неототалитаризм, но и всячески провоцирует его. Поколение надежды оказалось поколением исторического тупика. Удел лучших его представителей — эмиграция, либо внешняя, либо внутренняя.

2000–2015: Поколение без будущего

Люди, родившиеся в России на восходе XXI века, могут оказаться поколением будущего не только по той естественной причине, что им еще только предстоит влиться в общественную жизнь, но и потому, что, возможно, именно этому поколению предстоит предопределить в долгосрочной перспективе судьбу русского народа. Здесь я должен сослаться на Дмитрия Быкова. Отвечая на вопросы из зала, он упомянул свой личный преподавательский опыт и отметил, что, по его мнению, те, кому сейчас от пятнадцати до двадцати лет, очень существенно отличаются от старшего поколения, причем в положительную сторону.

Для меня, практически лишенного возможности общаться со студентами в России последние семь лет и поэтому довольствующегося теоретическими выкладками, это очень существенное наблюдение. Оно в некоторой степени совпадает с моими ожиданиями. Быков же высказал и весьма глубокую догадку о том, почему в условиях более жесткой диктатуры вырастают более цельные, более дееспособные поколения. Он заметил, что воспитывает не вектор, а величина. Поэтому в тяжкие, но эпические времена вырастают гиганты, а в хлебные и вялые — пигмеи.

Времена становятся все более эпические. Не исключено, что главным событием в жизни нового поколения будет новая война, и дай бог, чтобы местная, а не мировая. Рости им придется в удушающей атмосфере нарастающего мракобесия, которое все меньше будет похоже на вегетарианскую диктатуру нулевых. Будет где разгуляться сильному характеру. Похоже, Россия снова учится закалять сталь.

Этому поколению каждый день придется делать серьезный нравственный выбор. Многие сделают его не в пользу добра, но те, кто отвергнет зло, будут стоять на своем твердо. Они будут воспитаны на неоимперских идеалах в осознании не слабости, а силы. Тем жестче будет столкновение с реальностью, когда выяснится, что посткоммунистическая империя была блефом и выдумкой. Слабый характер при столкновении с реальностью подстраивается под реальность, сильный — реальность меняет.

Растет поколение, способное менять реальность на ту, которая его больше устраивает.

Они войдут в политическую жизнь между 2020 и 2025 годами, как раз тогда, когда режим перевалит через свой «апофегей» (спасибо Юрию Полякову за метафору) и начнет покрываться плесенью. Им, по всей видимости, придется серьезно размежеваться в вопросе о выборе путей развития страны. Поэтому вариант перерастания империалистической войны в гражданскую снова не исключается. Чисто теоретически действительно есть основания полагать, что поколение «2017+» окажется более ярко окрашенным, чем три предыдущих, и поэтому я склонен верить предчувствиям Дмитрия Быкова.

Поколенческий сдвиг

Из всего вышесказанного вытекает один весьма унылый вывод: серьезного сдвига в общественной жизни России следует ожидать скорее после 2020–2025 годов. До этого времени не сформируется субъект социального действия, способный продавить какие-либо перемены.

Поколения 1955–1970 и 1970–1985 годов сами являются демиургами существующего статус-кво, а поколение 1985–2000 годов не оправдало возлагавшихся на него надежд, отравившись испарениями «совка». Поэтому так велико значение поколения 2000–2015, за которое, по моим представлениям, сейчас должна начаться самая серьезная борьба. Конечно, все может случиться и ранее, если мировой кризис все-таки перейдет из вялотекущей формы в активную или если правящий режим допустит серьезную ошибку, спровоцировав революцию. Но это вряд ли пойдет России на пользу, потому что революция в стране, где нет силы, способной ее подхватить и возглавить, придав ей четкий вектор, протекает особенно болезненно.

Автор: Владимир Пастухов